

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Чиварзина Александра Игоревна

**СИСТЕМА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В БАЛКАНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В
СОПОСТАВЛЕНИИ С АЛБАНСКИМ И РУМЫНСКИМ
(ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Плотникова Анна Аркадьевна

Москва 2024

Диссертация посвящена исследованию лексической системы цветообозначений в балканославянских языках – болгарском, македонском и сербском (в частности его торлакских говоров) в сопоставлении с неславянскими балканскими – албанским и румынским. Работа имеет отношение к нескольким научным направлениям – сравнительной славянской лексикологии, лексической типологии, этнолингвистике и балканистике, т. е. изучению балканского языкового союза (БЯС). Сопоставительный аспект исследования связан со спецификой БЯС, в состав которого входят языки разного происхождения. Болгарский, македонский и торлакские говоры сербского языка составляют его славяноязычную часть. Румынский и албанский также входят в ядро балканской общности. Пастушеские миграции албанцев и румыноязычного населения (номадизм и трансгумация) способствовали многочисленным контактам со славянскими языками, которые повлекли за собой языковые и культурные заимствования и определили формирование балканского культурно-языкового ландшафта. В то же время длительное конвергентное развитие балканских языков с разными религиозными и этническими чертами не стерло их языковых и культурных различий. Выявление общего и специфического в балканской модели мира (по терминологии Т. В. Цивьян)¹, отраженной в языке и народной культуре, находится в центре внимания работы. Этнолингвистический аспект, заявленный в заглавии работы, предполагает обращение к материалу традиционной народной культуры (верованиям, обрядам, фольклору).

Предмет исследования – лексика цветообозначений в исследуемых литературных языках и диалектах, ее семантика и символика, культурные функции и география.

Актуальность и **новизна** исследования обусловлена тем, что до сих пор сопоставление систем цветообозначений в рассматриваемых языках и место систем цветообозначений в балканской модели мира названных народов не становились предметом специального исследования. Анализ цветообозначений позволяет выявить сходства и различия в «окрашивании» реального мира в языковом сознании носителей культур этих балканских народов.

Цель исследования – выявление общих и специфических черт исследуемых языков БЯС на примере систем цветообозначений и их культурных функций, направлений взаимных влияний.

Задачами для реализации поставленной цели являются:

- выявление системы цветообозначений отдельных языков;

¹ Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.

- определение общебалканских черт и тенденций в цветовой характеристике тех или иных реалий;

- выявление специфических контекстов, в которых функционируют отдельные группы цветообозначений;

- определение места, роли и направления заимствований в системах цветообозначений языков БЯС;

- анализ сравнительных оборотов и устойчивых сочетаний с участием цветообозначений;

- определение специфики и места каждого языка в общебалканском контексте на примере сопоставления систем цветообозначений².

Методы исследования. Цветообозначения рассматриваются как **система** взаимосвязанных элементов, иерархически распределенных и функционально зависящих друг от друга. В рамках системного анализа **структурный подход** позволяет выделить общее в балканских системах цветообозначений, а также показать ряд существенных различий между отдельными языками. Соответственно задачам исследования одним из важнейших был **сопоставительный метод** – регулярное сравнение между собой целых систем цветообозначений и их отдельных компонентов в рассматриваемых языках. Этот метод лег в основу сопоставительного словаря сравнительных оборотов с колоративным компонентом в балканских языках, а также общего индекса всех зафиксированных в работе колоронимов. **Лексико-семантический анализ** текстов на языках БЯС позволяет изучить особенности функционирования слова не только в словаре, но и в тексте, выявить устойчивые и ранее не зафиксированные окказиональные значения. **Метод семантической реконструкции** применяется в настоящей работе для восстановления более ранних значений соответствующих колоронимов, что помогает в исследовании многозначности цветообозначений на современном этапе. Данный метод тесно связан с **этимологическим анализом**, поскольку часто обращение к более ранним формам позволяет увидеть базу для формирования того или иного значения в анализируемых языках.

Работа выполнена с применением **этнолингвистического подхода**, позволяющего увидеть, как функционируют колоронимы в культурных текстах, как в них отражаются мифологические представления и как система цветообозначений может

² Лексемы *цветообозначение, цветонаименование, цветолексема, термин цвета, колоратив, колороним* в рамках настоящего исследования используются как синонимичные.

эволюционировать под влиянием изменяющихся культурных условий.

В работе использовался также **лингвогеографический метод** (метод картографирования), поскольку он наглядно демонстрирует распределение тех или иных культурно-языковых явлений на исследуемой территории и в ряде случаев помогает определить направление языковых и культурных влияний. **Статистический метод** использовался при изучении сочетаемости колоронимов. Использовалось также **анкетирование**: был составлен вопросник по цветообозначениям, отражающий специфику функционирования данной системы в балканских языках. Вопросник был апробирован в двух экспедициях в Республику Северная Македония (см. Приложение 1).

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы по славянской и балканской лексикологии и семасиологии (А. Ю. Русаков, В. Фридман, Т. В. Цивьян), по лексической и семантической типологии (А. Вежбицкая) и типологии цветообозначений в языках мира (Б. Берлин и П. Кей, А. Биду-Врачану, М. Ивич, М. Рачева, И. А. Седакова и др.), а также труды представителей Московской этнолингвистической школы (Н. И. Толстого, С. М. Толстой, О. В. Беловой, Л. Н. Виноградовой, А. В. Гуры, А. А. Плотниковой, И. А. Седаковой, Е. С. Узенёвой и др.).

Источниками языкового материала послужили толковые, фразеологические, этимологические словари, словари литературных языков и диалектов рассматриваемых балканских языков, которые охватывают не только языковые явления, но и содержат экстралингвистический материал о быте и духовной культуре народа³; национальные корпуса албанского, болгарского, сербского и румынского языков. В исследовании были также задействованы тексты СМИ, учебники и учебные пособия. Работа включает материалы собственных полевых наблюдений.

В работе использовался материал не только литературных языков, но и диалектов, поскольку последние могут сохранять и аккумулировать уникальные языковые явления в системе цветообозначений. Под углом цветообозначений были изучены следующие диалектные словари: Н. Живковић «Речник Пиротског говора» (1987), Р. Жугић «Речник говора Јабланичког краја» (2005), М. Златановић «Речник говора југа Србије» (2014), Ј. Динић «Речник Тимочког говора» (1988) и др. диалектные собрания юго-востока Сербии; Л. Гълъбов «Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско» (2000), В. Стефанов «Речник на говора на село Рабиша, Белоградчишко» (2010), А. Младенов «Трънските думи. Речник на регионалния говор» (2011) и др. диалектные

³ Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М.: Институт славяноведения РАН, 2000.

словари болгарского языка; Б. Маленко «Штипскиот говор» (2012), К. Пеев «Кукушкиот говор» (1988), «Речникот на македонските говори во југоисточниот егејски дел» (1999–2011) и др. диалектне словари македонского языка.

Важным источником послужил этнографический материал обрядов и верований, который отражает функционирование цвета в народной культуре и колоративов, призванных обозначать соответствующие цвета. Кроме того, фольклор, и особенно малые фольклорные жанры, стали ценным источником для анализа цветообозначений в рамках традиционной народной культуры.

Мы обращались к обобщающим трудам по этнографии и фольклору Т. Джорджевича, Л. Раденковича, Д. Маринова, М. Тирты, М. Олинеску. Важными для исследования стали сборники по этнографии и фольклору отдельных регионов Болгарии и Македонии (Сакар, Родопы, Карнобатский край и др.), Албании (Тирана, Малесия, Хогошт и др.), а также отдельные статьи по обрядовым и календарным праздникам румынской традиции Е. Банцовой (2017), Л. Илин-Грозиу (2004, 2016), М. Я. Салманович (1973, 1976, 1978), Н. Г. Голант (2011, 2013) и др.

Источниками фольклорного материала послужили сборники народных песен и лексикографические труды: «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», «Словарь македонской народной поэзии», труды В. С. Караджича. В первую очередь для нас имели значение произведения обрядового фольклора, в которых использование того или иного цвета мотивируется контекстом обряда или ритуала. Малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки, проклятия и благопожелания, словесные формулы и клише) благодаря своей устойчивости во времени и клишированной форме сохраняют черты культурной архаики⁴, поэтому они тоже стали материалом исследования.

Практическая значимость. Результаты настоящего исследования могут быть использованы на практических занятиях и лекционных курсах по южнославянской, албанской и румынской лексикологии и диалектологии, в спецкурсах по балканистике и балканской традиционной культуре, применяться в исследовательских работах со схожей проблематикой на материале других языков балканского ареала (при сопоставлении с греческим, турецким, цыганским), при составлении сопоставительного словаря сравнительных оборотов с колоративным компонентом в балканских языках.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах на российских и международных конференциях. Они отражены также в 28

⁴ Толстая С. М. Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов: Сборник статей / Отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М.: «Наука», 1993. С. 3–4.

публикациях.

Положения, выносимые на защиту:

- разные группы цветообозначений и соответствующих цветовых концептов имеют неодинаковую значимость в системе колоронимов и их функционировании в языках и культуре. В рамках исследованных языков и традиций БЯС можно выделить следующие подгруппы: 1) белый, черный, красный; 2) желтый, зеленый; 3) синий и его оттенки; 4) серый; 5) коричневый; 6) оранжевый, розовый, фиолетовый;

- полисемия цветообозначений БЯС проявляется не только в широком спектре прямых и переносных значений отдельной лексемы, но и в возможности обозначать разные оттенки цветового спектра;

- ряд цветообозначений в языках БЯС имеют ограниченные, узкие сферы употребления (например, наименование масти животных и оперения птиц, обозначение цвета волосяного покрова человека);

- системы цветообозначений языков БЯС включают многочисленные заимствования, место и роль которых зависит как от времени появления того или иного термина в соответствующих языках, так и от особенностей системы цветообозначений конкретного языка;

- близкородственные балканославянские языки, несмотря на многочисленные схождения, демонстрируют определенную степень различий в семантическом наполнении цветообозначений;

- система цветообозначений албанского языка предстает как уникальная система в балканском культурно-языковом ареале, резко отличающаяся от типологически близких систем в других языках БЯС;

- анализ системы цветообозначений румынского языка демонстрирует как наличие параллелей с албанской системой, так и общевалканские черты и тенденции в системе цветообозначений;

- этнолингвистические данные дают возможность расширить языковую семантику колоронимов и определить их культурную семантику и символику в рамках БЯС.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, а также пяти приложений.

Основное содержание работы.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяется объект и предмет работы, методы исследования, формулируются цели и задачи, а также положения, выносимые на защиту. В части, связанной с историей вопроса, подробно освещается

дискуссия вокруг теории универсальности базовых цветообозначений⁵. Отдельный раздел посвящен обзору исследований цветообозначений в балканославянских языках, а также в албанском и румынском, приводятся основные положения наиболее значимых трудов по вопросам восприятия цвета и цветообозначений в балканских языках.

Первая глава посвящена лексикологическому анализу колоронимов, их происхождению и сочетаемости в текстах на соответствующих языках, а также их этнолингвистическому анализу на материале традиционной духовной культуры. Анализ отдельных цветов осуществляется и с точки зрения общей теории типологии и эволюции цветообозначений, и с учетом специфики функционирования цвета в языке и культуре балканских народов. Цвета сгруппированы в отдельные подгруппы, каждая из которых имеет свое место в иерархии лексических и культурных функций.

1) *Балканская триада. Белый, черный, красный.* Широкое использование обозначений базовых (и исторически первичных) цветов – триады белый-черный-красный – подтверждает гипотезу о возникновении первых колоронимов в языке, обслуживающих потребность человека в наименовании цвета тех или иных реалий. Обозначения белого, черного, красного обладают наиболее широким спектром прямых и переносных значений. Эти прямые и переносные значения колоронимов отражены в символическом использовании цветов в традиционной народной культуре. Цвета триады не только противопоставляются друг другу, но в отдельных контекстах выступают и в качестве синонимов. Оппозиция этих трех цветов и их обозначений внутри триады является общей, и в частности, балканской, универсалией.

2) *Желтый и зеленый.* Эти цветообозначения являются наиболее типичными в функции описания растительного и животного мира. Обозначения для этих двух цветов одинаково часто встречаются как с положительной, так и с отрицательной семантикой. Этнолингвистический материал позволил также предположить существование переходного периода присутствия так называемой «желто-зеленой» цветовой категории в языках БЯС. Так, несмотря на близость лексем, обозначающих желтый и зеленый, в контексте традиционной народной культуры данные цвета используются в противоположных значениях: желтый традиционно символизирует болезнь и смерть, ассоциируясь с нездоровыми оттенками кожи, а зеленый метафорически соотносится с молодостью, выраженной через растительный код. Таким образом, материал традиционной народной духовной культуры отражает ситуацию, когда эти цвета перестают восприниматься как единое целое и приобретают собственные значения и,

⁵ Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969. 178 pp.

возможно, разное лексическое оформление. Более детальное изучение этого вопроса требует обращения к письменным источникам, отражающим историю языков.

3) *Обозначения синего и его оттенков.* Оттенки синего могут по-разному лексически реализовываться в диалектах, однако в литературных языках БЯС имеется только один базовый колороним для обозначения темного и светлого тонов. Албанский язык формально имеет отдельные лексемы, однако разграничиваются они непоследовательно, колороним для синего воспринимается как заимствование и обозначение соответствующего оттенка. Поэтому на материале албанского языка можно выделить единую функциональную группу лексем для обозначения этого отрезка цветового спектра. Колоронимы на начальном этапе своего появления неразрывно связаны с объектами действительности, оттенок которых они призваны характеризовать. Синий цвет скудно представлен в текстах календарной и семейной обрядности, часто он наделяется значениями, традиционно закрепленными за черным. Это может косвенно свидетельствовать о позднем этапе вхождения колоронима синего в систему и приобретения им значений.

4) *Серый цвет и его обозначения.* На примере цветообозначений серого можно отметить высокую степень взаимовлияния балканских языков: среди многочисленных способов передачи серого цвета фиксируются лексемы, образованные как от корней собственного фонда, так и от заимствованных. Широко распространенными по диалектам остаются не только общебалканские тюркские заимствования, но и славянские диалектные формы. Особенно ярко это выражено в скотоводческой лексике, что представляется закономерным, поскольку пастушество всегда оставалось важной частью хозяйственной жизни балканцев. Обозначение неясных оттенков шерсти находит причудливое выражение в рассматриваемых языках: животные с сероватой шерстью могут характеризоваться цветообозначениями с семантикой 'зеленый', 'синий', 'темный'. В ходе контактов эти лексические способы передачи цвета заимствуются.

5) *Обозначения коричневого.* Обозначение коричневого цвета и его оттенков связано с типичной для балканского ареала реалией – кофе. Колороним, образованный от тюр. *kahve*, является наиболее общим характерным цветообозначением во всех рассматриваемых языках БЯС, поскольку отражает способ наименования через указание на распространенный на Балканах продукт.

6) *Обозначения оттенков красного: оранжевый, розовый, фиолетовый.* Цветообозначения оттенков красного следует рассматривать в одном ряду. С одной стороны, данные колоронимы в сознании носителей уже отделены от обозначения красного новыми значениями, коннотациями, случаями противопоставления. Оранжевый,

розовый, фиолетовый воспринимаются как самостоятельные цвета вместе с их отдельными названиями. С другой стороны, они по-прежнему могут относиться к семантическому полю одного или сразу двух «производящих» цветов (красного и желтого, красного и белого, красного и синего). Колоронимы внутри группы не только противопоставлены друг другу, но и могут восприниматься как синонимы: отдельные способы обозначения совпадают не только в диалектах, но и в литературном языке. Так, в балканославянских языках лексемы *модар*, *индиго*, диал. болг. *морав* (Трын), диал. мак. *морѡф* (Штип) могут толковаться двояко, т.е. как оттенок синего, темно-синего или же фиолетового, а лексемы ю.-серб. *галибарда* (Пирот), ю.-серб. *моравилкаст* (Каменица), ю.-серб. *амбербој* (Призрен), ю.-серб. *ђувезан* (Тимокский край) – как красно-фиолетовые, розово-фиолетовые оттенки, что объясняется смешанной природой данного цвета.

Таким образом, согласно данной классификации мы имеем шесть диахронических градаций, общих для рассматриваемых балканославянских и неславянских балканских языков:

I	II	III	IV	V	VI
белый	желтый	синий	серый	коричневый	оранжевый
черный	зеленый				розовый
красный					фиолетовый

Во **второй главе** рассматриваются компаративные единицы (сравнения) с колоративным компонентом. При анализе сравнительных оборотов мы учитывали семантику цветообозначения, его прямые и переносные значения, наличие дополнительных коннотаций, оценочного компонента, учитывалась также стилистическая характеристика сравнений. В обрядах и ритуалах цвет наделяется дополнительными символическими значениями, поэтому этнолингвистический анализ помогает выявить ключевые для народного сознания значения.

Общим для рассматриваемых языков является преобладание сравнений с участием колоронимов белого, черного, красного. Им присуще наибольшее число значений, дополнительные коннотации, возможность употребления в противоположном значении для сопоставления несопоставимых признаков (например, болг. *бял като катран* «белый, как деготь / как смоль», мак. *бел како јаглен* «белый, как уголь», рум. *alb ca pana corbului* «белый, как перо ворона», алб. *i zi si bora* «черный, как снег»).

Цвета, представляющие собой «смеси» (коричневый, фиолетовый, серый, розовый, оранжевый), в сравнительных оборотах встречаются редко. Это обусловлено и их поздним появлением в языке, и отсутствием дополнительных коннотаций (кроме розового и

серого), а также характером происхождения лексемы: основные термины для данных цветов образованы от названий растений, соответственно, в самой форме слова уже заложено образное уподобление. Например, в сопоставляемых языках лексемы болг., мак. *портокал*, алб. *portokall*, рум. *portocal*, серб. *наранџ* обозначают ‘апельсин’, а колоронимы болг., мак. *портокалов* / алб. *portokalli* / рум. *portocaliu*, серб. *наранџаџ* имеют значение ‘оранжевый’, т.е. «цвета апельсина».

Немаловажную информацию о функционировании компаративных оборотов дает анализ такого компонента структуры, как субъект сравнения (то, что сравнивается). В свете антропоцентричности языка естественно, что в большом числе проанализированных контекстов это будет человек, его внешность, лицо, черты лица. Так, практически все цветолексемы могут служить для характеристики цвета кожи человека: человеческое лицо может быть любого цвета, в зависимости от здоровья / нездоровья, хорошего / плохого настроения, субъективного отношения автора высказывания к описываемой личности: болг. <лицето> *жълто като восък* «<лицо> желтое, как воск», мак. *со лице бело како мрамор* «с белым, как мрамор, лицом», серб. <човек> *блед и модар као модар патлиџан* «<человек> бледный и синий, как баклажан», алб. <fytyrë> *e gjëlbër si bari* «<лицо> зеленое, как трава», рум. *roșu ca racul la față* «лицом красный, как рак».

От выбора объекта сравнения (того, с чем сравнивают) зависит образность выражения, а в случае авторских сравнений – и оригинальность. В устойчивых оборотах объектом сравнения выступают предметы и явления, издавна окружавшие человека. Так, в частности, положительной характеристикой обладает сравнение болг. *модър като вино* «темный, как вино», мак. *црн како кафе* «черный, как кофе», мак. *бел како сирење*, рум. *alb ca brânza* «белый, как брынза», поскольку это одни из основных продуктов питания у балканских народов.

В контексте ритуала сравнительные обороты с колоронимами строятся на основании сопоставления с цветом конкретных предметов реального мира. Символика цветов триады – белый, черный, красный – наиболее ярко выражена в их противопоставлении друг другу. Также выявляются контексты, в которых эти цвета могут выступать в качестве синонимов. Например, в разных районах Сакара (Болгария) было принято возле покойного оставлять белый платок с иглой и продетой белой или красной нитью, чтобы каждый человек при прощании мог сделать стежок в знак примирения с

умершим⁶. Таким образом, красный и белый в контексте конкретного ритуала становятся взаимозаменяемыми синонимами.

Черный встречается в противопоставлении белому и красному. Из всех значений, присущих соответствующему цветообозначению, в ритуалах на первый план выходит отрицательная семантика опасного. Так, в Болгарии и Македонии было принято возле покойника оставлять белую и черную нити – черную закапывали вместе с умершим, а белую хранили в доме как символ жизни⁷ – белый цвет солнечного света и жизни противопоставляется темному загробному миру.

Красный цвет, ассоциирующийся с кровью, как самым ярким референтом окружающей действительности, используется в контекстах, прямо или косвенно отсылающих к крови как метафоре жизни, здоровья, румянца, красоты. Например, в Странже (Болгария) только что окрашенные к Пасхе яйца прикладывали к коже детей и к шерсти скота, чтобы остались пятна от краски⁸. Таким образом стремились передать им здоровье и жизненную силу, заключенную в красном цвете.

В компаративных конструкциях в рамках народной духовной культуры желтый и зеленый разносятся на противоположные полюса: сравнение с желтым строится по основанию болезненных оттенков кожи, а с зеленым – по основания молодости, выраженной в растительном коде. Так, зелень – один из главных атрибутов троичного комплекса⁹. Зеленью устилают пол, украшают жилые и хозяйственные постройки, скот¹⁰.

⁶ Сакар: етнографско, фолклорно и езиково изследоване. Етнографски проучвания на България. София: Етнографски институт с музей при БАН, Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. С. 316–317.

⁷ *Ристески Л. С.* Посмртниот обреден комплекс во традициската култура на Мариово. Прилеп: Институт за старословенска култура, 1999. С. 71–72; Ловешки край, материална и духовна култура. Етнографски проучвания на България. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1999. С. 414.

⁸ Странджа. Материална и духовна култура. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания на България. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1996. С. 333.

⁹ *Седакова И. А.* Народная версия празднования Троицы на Балканах: Вступительное слово // Троица. Rusalii. Πεντηκοστή. Rrëshajët... К мотиву зелёного цвета в балканском спектре (Материал круглого стола 2012) / Отв. ред. М. М. Макарецев. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 9; *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: «Индрик», 2002.

¹⁰ История и култура на Карнобатския край. Том 3. София: БАН, Институт по история.

Обильное использование объектов (растений) зеленого цвета призвано вызывать ассоциации со свежими силами и полнотой жизни. Желтизна же трактуется как негативный признак, и в переносном значении «желтый» обозначает нездоровый цвет лица. Через ассоциации с цветом кожи умершего человека желтый может символизировать смерть. По народным представлениям, беременной нельзя прощаться с умершим, чтобы ее дети не болели желтухой новорожденных, не были *желтыми как покойник*. Носители же самой традиции объясняют предписание через использование прототипического сравнения с воском: ю.-серб. *jer ће дете да им буде жуто као восак* [потому что ребенок у них будет желтым, как воск] (Запланье, Сува-планина)¹¹.

Синий и оттеночные цвета не встречаются в сравнениях на материале семейной и календарной обрядности, что свидетельствует о позднем этапе вхождения цвета в культуру и приобретения им дополнительных коннотаций.

Третья глава посвящена анализу цветообозначений в устойчивых словосочетаниях со значением **благопожелания и угрозы**. Их исследование показало, что в подобных словесных клише наиболее часто в балканских языках фиксируются обозначения белого и черного. «Белый» используется регулярно как в паремиях со значением проклятия (ю.-серб. *Да Бог да бело видело у кућу не видело* [Дай Бог, чтоб белого света в доме не видно было, т.е. чтобы все домочадцы умерли]¹²), так и в благопожеланиях (алб. *Qofsh i bardhë si drita e diellit!* букв. [Будь белым как солнечный свет]¹³), «черный» же по большей части не упоминается в последних. Колороним в текстах подобного рода соотносится не столько с конкретным существительным, сколько с целой лексико-семантической группой, а порой и целым семантическим полем¹⁴. В случае с благопожеланиями и проклятиями такими

Этнографски институт с музей, 1993. С. 193; *Новик А. А.* Зеленый цвет – свет – мир в традициях албанцев // Троица. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зелёного цвета в балканском спектре (Материал круглого стола 2012) / Отв. ред. М. М. Макарец. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 160; Собственные записи 2018 г. из с. Пелинце (Куманово, Северная Македония).

¹¹ *Ђорђевић Т. Р.* Животни круг: рођење, свадба и смрт у веровањима и обичајима нашег народа. Ниш: Просвета, 2002. С. 341.

¹² *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору. Београд: САНУ, 1989. С. 59.

¹³ *Tirta M.* Mitologija ndër shqiptarë. Tiranë: Shkenca, 2004. F. 72.

¹⁴ *Хроленко А. Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд.-во ВГУ, 1992. С. 98.

полями будут оппозиции «добро» и «зло», «достоинство» и «бесчестие». Таким образом, «белый» и «черный» используются исключительно в символических значениях как полюса «добра» (здоровья, света, красоты) и «зла» (болезни, смерти, горя). Другие же цветообозначения практически не встречаются в рамках благопожеланий, угроз и проклятий, поскольку находятся вне этих полюсов.

В заключении резюмируются выводы исследования.

Общей особенностью анализируемых балканских языков является полисемия колоронимов. Наибольшее количество значений фиксируется у обозначений белого и черного. Наличие многочисленных переносных значений обуславливает свободное использование синонимичных образных выражений в контактных языках без привлечения цветообозначений (ср. рум. *Bună să-ți fie inimă* [Да будет добрым сердце твое] и алб. *Paç zemër të bardhë!* [Имей белое сердце]). Многозначность колоронимов в языках БЯС проявляется не только в широком спектре значений отдельной лексемы, но и в ее возможности обозначать разные оттенки в зависимости от контекста. Сопоставление языкового материала на примере компаративных оборотов помогло выявить такие контексты. Так, колоронимы болг., мак., серб. ⁺*modar* могут использоваться для обозначения синего, фиолетового, темного, ср. синонимичные компаративные обороты: серб. *љубичаст као мастило* «фиолетовый, как чернила», мак. *модар како мастило*, мак. *син како мастило* «синий, как чернила», болг. *черен като мастило*, мак. *црн како мастило*, серб. *црн као мастило* «черный, как чернила». Дериваты от ⁺*crven* в болгарском языке используются исключительно в значении 'розовый'. В сербском языке лексема от аналогичного корня (*црвенкаст*) используется преимущественно в значении 'оранжевый, рыжий' (*као кајсија* «как абрикос»), хотя иногда можно проследить другие оттеночные значения (*као крв* «как кровь», *као стид* «как стыд»). Македонский же язык предоставляет широкие возможности для толкования лексемы *црвенкаст* в зависимости от контекста: *како тиква* «как тыква», *како домати* «как помидор».

Система цветообозначений в языках БЯС характеризуется наличием также специальных терминов, ограниченных узкими сферами употребления. Такие обособленные группы колоронимов можно назвать вспомогательными подмножествами в рамках общей системы. Они включают в себя наименования цвета волос и кожи человека, масти лошадей, терминологическую лексику при разведении голубей, скотоводческую лексику. В подобных группах представлены как слова собственного лексического фонда, так и заимствования из турецкого, престижного языка пятнадцатого исторического периода на Балканах, а также заимствования из соседних языков (балканославянских, албанского, диалектов румынского). Колоронимы перемещаются между языками и

становятся общебалканским достоянием.

Особенностью систем цветообозначений в языках и диалектах БЯС является наличие, помимо собственных лексем, тюркских дублетов. Тюркизмы становятся универсальным средством обозначения цвета, поскольку совпадают в контактирующих балканских языках. Однако на сегодняшний день некогда весьма активные тюркизмы носят маргинальный характер: сохраняются в фольклорных текстах и в диалектах, переходят в сниженный разговорный стиль или используются в качестве специальных терминов в различных профессиональных сферах хозяйственной деятельности. Исключение составляет система албанского языка, где на уровне базового колоронима используется тюркизм для обозначения зеленого *jeshil*.

В целом система цветообозначений албанского языка предстает как уникальная система в балканском культурно-языковом ареале, резко отличающаяся от типологически близких ей систем в других языках БЯС. Ввиду особенностей истории и географии албанского система его основных колоронимов формировалась частично из заимствований, и «повышенная» конкуренция лексем играла существенную роль в ее становлении. Так, в албанском есть три лексемы для обозначения зеленого: одна – латинская *i gjelbër*, другая – турецкая *jeshil* и третья – собственно албанская *i blertë*; помимо них, для обозначения зеленого цвета используется лексема со значением ‘свежий’, а также специализированные именные конструкции со значением ‘цвета травы’ и ‘цвета порея’. Более того, колоронимы для желтого и зеленого пересекаются (и вроде бы их связь даже предсказана)¹⁵, однако очень своеобразным способом: литературный ‘зеленый’ в южных диалектах становится ‘желтым’ – и наоборот, лексема *i verdhë* со значением ‘желтый’ в северных диалектах обозначает ‘зеленый’. Албанский – единственный язык БЯС, который развил самостоятельный термин для обозначения светлого оттенка синего (*i kaltër* ‘голубой’).

Анализ системы цветообозначений румынского языка демонстрирует наличие определенных сходжений с албанской системой. Именно в лексике наблюдается наибольшее число аналогий. В области скотоводческой терминологии в обоих языках есть двусторонние заимствования, которые в дальнейшем распространялись в другие балканские языки, в частности в анализируемые южнославянские. Общее для балканского культурно-языкового пространства выражение «зеленый конь», в албанском и румынском

¹⁵ Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969; MacLaury R. Color Terms // Language typology and Language Universals. Vol. 2. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2001.

используется в значении несуществующего объекта, небылиц, выдумки (алб. *kalë i preshtë nik ka* ‘зеленого коня не бывает’, рум. *cai vezi pe pereți* ‘небылицы’ (букв. «зеленые кони на стенах»)), в отличие от балканославянских языков, где выражение «зеленый конь» используется для обозначения масти реального животного, неясного цветового оттенка.

Что касается цветообозначений в болгарском, македонском и сербском языках, то на фоне неславянских балканских они составляют единую систему с минимальными расхождениями. Отличия проявляются чаще всего в наборе лексических единиц для обозначения фиолетового, оранжевого или розового цвета. Македонский язык регулярно демонстрирует сближение то с сербским культурно-языковым пространством (например, в выборе типичных объектов сравнения или в использовании колоронимов от общего корня ⁺*crven* в разных значениях), то тяготеет к болгарскому (в фонетическом оформлении большинства цветолексем: болг., мак. *виолетов* ‘фиолетовый’, болг., мак. *розов* ‘розовый’, болг., мак. *портокалов* ‘оранжевый’, болг. *кафян*, мак. *кафен* ‘коричневый’). Сербский язык характеризуется набором цветообозначений, отличающимся от близкородственных литературных южнославянских балканских языков (серб. *плав* ‘синий’, *браон* ‘коричневый’, *наранџаст* ‘оранжевый’, *љубичаст* ‘фиолетовый’, *ружичаст* ‘розовый’ и др.), однако эти лексемы встречаются в диалектах болгарского и македонского, поэтому относятся к общему балканославянскому фонду. В торлакских же говорах сербского, которые непосредственно входят в БЯС, система цветообозначений близка болгаро-македонской (ю.-серб. *розан*, *розникав* ‘розовый’, ю.-серб. *кафеничав* ‘коричневый’, ср. болг. *розов*, *кафян*). Сопоставление компаративных оборотов в разных балканославянских языках показало, что имеются минимальные отличия в стратегии выбора объекта сравнения. Это является основанием рассматривать системы цветообозначений этих отдельных языков как единую балканославянскую систему.

В **приложении 1** представлен вопросник по цветообозначениям, подготовленный в ходе написания диссертации и апробированный в этнолингвистических экспедициях автора в Северную Македонию (Куманово 2018, Дебар 2020 г.). В **приложении 2** собраны диаграммы и гистограммы, иллюстрирующие сочетаемость колоронимов зеленого в албанском языке. В **приложении 3** приводится карта, демонстрирующая распределение названий сливы (*Prunus spinosa*) на македонской языковой территории. **Приложение 4** представляет собой сопоставительный словарь сравнительных оборотов с колоративным компонентом на материале балканославянских, албанского и румынского языков. Сравнительные обороты распределены в соответствии с выявленными значениями объекта сравнения (то, с чем сравнивается) и расположены внутри значений в порядке от

устойчивых оборотов к индивидуально-авторским единичным примерам. Таким образом, в словаре наглядно по языкам представлены схождения и отличия в области компаративных оборотов с колоративным компонентом в близкородственных и / или типологически близких балканских языках. **Приложение 5** – индекс всех колоронимов, встретившихся в тексте настоящей диссертации. Собранные в одном месте лексемы дают яркое представление не только о словообразовательных возможностях соответствующих языков, но и о влиянии систем этих языков друг на друга.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях и журналах

1. Цвет в номинациях растений в южносербских, западноболгарских и македонских говорах // Славяноведение. 2019. № 5. С. 95–103. (Список D).

2. Color terms for blue in the Balkan languages // Балканско езикознание. 2020. Бр. 2. С. 339–347. (SCOPUS Q4).

3. Желтый или зеленый? (О разграничении зеленого и желтого цвета в албанском языке) // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 59–65. (SCOPUS Q2, Список B).

4. Цветообозначения в устойчивых сочетаниях со значением благопожелания и проклятия в балканских языках // Балканско езикознание. 2022. Бр. 2 (61). С. 271–279. (SCOPUS Q4).

5. The Balkan Spectrum of Color Terms Among the Aromanians (Ethno-Linguistic Aspect) // Ezikov Svyat, 2023, V. 21, 2, pp. 61–66. (SCOPUS Q4).

6. Motley 'motley': terms for multi-colored in Macedonian and other Balkan languages // Balkanistica. 2024, pp. 1–6. (SCOPUS Q4, Список B).

Другие публикации по теме диссертации.

7. Sistemi i ngjyrave në gjyhën maqedonase dhe shqipe. Njëjsitë krahasimtare me kushtet e ngjyrës së verdhë dhe të gjelbër // Seminari XXXIV Ndërkombëtar për Gjuhën, Letërsinë dhe Kulturën Shqiptare: Prishtinë, 17–28.08.2015 / Kryered. R. Paçarizi. Vëll. I. – Prishtinë; Tiranë: Universiteti i Prishtinës “Hasan Prishtina”: Fakulteti i Filologjisë; Universiteti i Tiranës: Fakulteti Histori-Filologji, 2015. P. 67–75.

8. Сравнительные конструкции типа «жёлтый как» и «зелёный как» в македонском языке в сопоставлении с албанским (тезисы) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 26–27 мая 2015. М., 2015. С. 26–27.

9. Символика цвета в македонской похоронной обрядности // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 453–459.

10. Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада) / The

Colour Symbolism in the Macedonian Wedding Rites (the Balkan Triad) // Slavica Nitriensia: časopis pre výskum slovanských filológií. 2016. № 2. S. 55–66.

11. Сравнительные конструкции типа «красный как» в македонском языке в сопоставлении с албанским // Славянский альманах. 2016. Вып. 3–4. С. 355–370.

12. Перевод цветообозначений в Библии и в Коране на македонский и албанский языки (тезисы) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 24 мая 2016. М., 2016. С. 52–57.

13. Синий цвет и его оттенки в македонском и албанском языках // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017. С. 367–376.

14. Номинации домашних животных в южных диалектах сербского языка // Славянский альманах. 2017. Вып. 3–4. С. 431–448.

15. Цвет в обозначениях человека (традиция юго-востока Сербии) // Материалы к международной научной конференции «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура», Москва, Институт русского языка, МГУ, 8–9 ноября 2017 г. М., 2018. С. 171–176. (Электронный ресурс).

16. Цвет в похоронно-поминальной традиции балканских славян, албанцев и румын // Образ человека в языке и культуре. М., 2018. С. 276–285.

17. Этнолингвистическое исследование цветообозначений в Куманове // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Вып. 14. № 1–2. С. 174–185.

18. Серый цвет и его обозначения в балканославянских диалектах в сопоставлении с албанским и румынским // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М., 2020. С. 216–223.

19. Сопоставительное исследование цветообозначений в переводах Нового Завета на македонский и албанский языки // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 113–126.

20. Особенности обозначения синего цвета в названиях растений и грибов в южнославянских диалектах // Славянский альманах 2020. Вып. 3–4. С. 213–226.

21. Зеленое сердце, зеленая кровь в албанском поэтическом дискурсе: к вопросу о переводимости образов // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание (Балканские чтения 16. Тезисы и материалы). М., 2021. С. 95–100. Соавт. А.В. Жугра.

22. Зеленее, чем зеленый: к вопросу о норме и узусе в албанском языке // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.). Томск, 2021. Вып. 22. С. 257–261.
23. Обозначения пестрого в болгарской народной песне «Че малко ли съм донела» Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2022. С. 102–105.
24. Сравнительные конструкции «оранжевый как», «розовый как», «фиолетовый как» на материале балканославянских языков в сопоставлении с албанским и румынским // Stephanos. 2022. №6 (56). С. 94–102.
25. Одежда и ее цвет в песенном фольклоре македонцев и болгар // Материалы к Международной конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие», 2023. 23–24 мая. С. 174–178. Соавт. А. П. Якимова.
26. Сравнительные конструкции типа «зеленый как» на материале балканских языков // 200 лет языковой подготовки МИД России [сборник статей] / Высш. курсы иностр. яз. МИД России; [редкол.: Л.Г. Фарафонова, А.В. Сорокина]. М.: Ключ-С, 2023. (Методический бюллетень; № 20).
27. Пестрый *шарен* в македонском языке // Stephanos. № 2(58). 2023. С. 91–97.
28. Анализа на колороними во поезијата на Ацо Шопов // Зборник на трудови од Меѓународната научна конференција „Сто години од раѓањето на Ацо Шопов“, Филолошки факултет – Штип, 25-26 мај, 2023 / Гл. уред. проф. д-р Е. Ѓорѓиевска, одг. уред. Н. Негриевска. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», 2023. С. 43–53.